

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER KONTINENT

Власть говорит о советизации общества, словно сама она не советизирована. Это по-прежнему государство

Платона, государство знающих как надо Михников, которые воспитывают темное и глупое общество, вместо того, чтобы создать рамки деятельности. Не такое уж оно темное, если воспротивилось коммунизму!

Чеслав Белецкий

Я не представляю себе поэзии вне века, но я хочу сказать, что все-таки поэзия не принадлежит современникам. Она смотрит дальше, в будущее. Так она устроена. Я бы сказал, что в сихах существует настоящее время глагола, но вечно-настоящее. «Выхожу один я на дорогу...» То есть когда? А – всегда. И в прошлом веке, и сегодня. Мы попада-

Мне снилось страшное кино с самим собою в главной роли. Раскручивался киноролик,

и я летел на полотно экрана.

Там среди теней, похожих тоже на людей, я сразу в действие вломился (была завязка такова). Свои расслышал я слова и речью пламенной пленился!

Виталий Асовский

Тальшевой не доставало дорожного покоя и стука колес: она успела привыкнуть к ним в поезде, как привыкла у себя в Москве отправляться на службу одним и тем же путем, обрабатывать бумаги, в обеденный перерыв покупать продукты для семьи и вечером возвращаться домой с ощущением прожитого дня..

Валерия Шубина

ем поэту в объятья в это вечное мгновение. Поэзия вообще работает с настоящим временем глагола: «Белеет парус одинокий...» А то и пропускает этот глагол: «Кавказ под мною...» В стихах мы даже опускаем это настоящее время, настолько оно кажется нам длинным, настолько мгновенны эти ощущения!

Александр Кушнер

Тоталитарные режимы преднамеренно путают понятие культуры с понятием вежливости. Потому что диктаторы хоршо знают, что вежливость – это ключ к покорности. Вежливый человек неукоснительно исполняет требование «по газонам не ходить». Ясно, что не станет такой гражданин заниматься революцией, а уж плюнуть на портрет вождя ему и в голову не придет...

Амос Oz

КОНТИНЕНТ

Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал

66

Кино-издательский консорциум "АВЕРС"

Москва

1991

ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Виктор Каган

ВОСПОМИНАНИЯ О Н.В.ТИМОФЕЕВЕ-РЕСОВСКОМ

71-я камера Бутырской тюрьмы была неширокая, но большая. Вдоль длинных стен тянулись сплошные нары – от двери с большой парашей к окну, закрытому «намордником». Пространство между нарами на ночь перекрывалось дощатыми переплетами, на которых спали тоже, а кому не хватало места, залезал под нары. Людей было примерно 70–80. По традиции каждого вновь пришедшего спрашивали, что он может рассказать интересного, и днем, когда утренняя оправка и завтрак были позади, а обед или вечер где-то далеко впереди, камера его слушала. Один из активистов, знакомившихся с новичками, я так познакомился с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским летом 1946 года.

* * *

Для нескольких интересовавшихся (в их числе был А.И. Солженицын) Николай Владимирович провел цикл лекций-бесед по биофизике. Научное содержание примерно соответствовало тому, что написано в книге Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики?», где, кстати, есть ссылки на «прекрасную работу Н.В. Тимофеева-Ресовского» и на совместную работу его, М. Дельбрюка и К.Г. Циммера.

Помню, он рассказывал о застольях в Бухе, на которых биологи и физики «в изобилии пили водку и трепались о науке». А потом высказанные за столом идеи немедленно проверялись в лабораториях. Из физиков – участников застолий он называл Нильса Бора, Паскуаля Иордана и Джона Бернала. Эйнштейна привлечь, по-видимому, не удавалось, он был погружен в теорию относительности, и Тимофеев, помню, отзывался о нем даже с некоторой антипатией. Бору он симпатизировал чрезвычайно, говорил, что «это настоящий джентльмен». Про Иордана сказал, что тот был «страшно худой и прожорливый». Надо сказать,

впрочем, что Николай Владимирович и сам был непрочь покушать... С Берналом он сотрудничал особенно тесно; тот предложил модель вируса из длинных молекул, расположенных по образующим цилиндра.

Быть может, именно эти застолья выработали у него убеждение, высказанное через много лет со ссылками на друзей-физиков, в том числе и на Бора, что формулы – это лишь способ выражения, а по существу все фундаментальные идеи можно высказать простыми словами.

Николай Владимирович особенно подчеркивал открытость работ по генетике, отсутствие борьбы за приоритет и соперничество школ. Он говорил, что это вообще было характерно для американских ученых в противоположность немецким, и в этом видел одну из важных причин, почему атомная бомба была сделана именно в США, а не в Германии. Другой причиной, по его словам, было нежелание немецких физиков давать в руки Гитлеру такое оружие: они пользовались работой в области атомного ядра главным образом, чтобы увливать самим и спасти своих сотрудников от мобилизации в армию.

На вопрос, почему он не принял приглашения поехать в США, ответил, что ему не нравится деляческий характер и стиль жизни средних американцев, а с другой стороны – не ожидал такой крутой расправы в СССР. Николай Владимирович был настоящим русским барином, так и держался в быту. Легко представляю себе, что американский образ жизни не был ему приятен и что его тянуло в Россию. Но мысль, будто в СССР он может рассчитывать отделаться легким испугом, показалась мне тогда крайне наивной. Много лет спустя, уже в Обнинске, его жена Елена Александровна рассказала мне о судьбе их старшего сына, схваченного гестапо, и я подумал, что действительной причиной, удерживавшей Тимофеевых в Германии, была надежда все же разыскать Фому. Впрочем, надо вспомнить, что поразительную наивность и легковерие по отношению к советской власти проявили в те годы очень многие: и старые эмигранты, и «перемещенные лица», в том числе и интеллигенты. А Николай Владимирович жил наукой, политикой не интересовался, как многие интеллигенты его поколения, любил Россию независимо от того, кто ею правит.

Как мог жить и работать в гитлеровской Германии? Так же, как могли все мы жить и работать в сталинском СССР. И ему

это было проще, потому что гитлеровцы вмешивались в науку меньше, чем сталинцы.

Для всей камеры он прочитал лекцию о жизни в Америке. Кто-то из соседей, видимо, предупредил, что, донесенная начальству, она может навлечь неприятности, и Тимофеев прочел дополнительную лекцию о теневых сторонах американской жизни, выдержанную в духе тогдашней советской пропаганды. Помню, я ее воспринял как «подходный налог», объясняемый простой и естественной трусостью. Думаю, я тогда ошибся – все было сложнее. Он ведь не боялся рассказывать о достижениях генетики, о научных заслугах арестованного Н.И. Вавилова и его вражде с Лысенко. А отсюда вырисовывалась картина «облысения биологической науки» в СССР не менее криминальная по тем временам, чем «восхваление жизни в одной из капиталистических стран». Дело было скорее в том, что аполитичный Николай Владимирович не сознал себя врагом советского режима и духу его в этом случае не на что было опереться.

Помню, он резко отрицательно отнесся к рассказам о спиритических сеансах и отказался их обсуждать. Сказал, что предсказания бывают правильные и неправильные, и число тех и других соответствует статистике случайных событий. Обсуждать же какое-то одно из таких событий нет смысла.

– По каким законам обрушился, скажем, Охтенский мост? Да по законам механики!

Помню, он сказал, что Достоевский – величайший оптимист в мировой литературе, потому что у него и Свидригайлов, и Смердяков – оба покончили с собой. Петра Верховенского, который остался жив-здоров, он почему-то игнорировал.

Года два спустя после нашей встречи я узнал, что Николай Владимирович лежал в больнице Бутырской тюрьмы.

* * *

На уральской «шарашке» он жил в коттедже с женой и сыном, которые считались вольными. Сын учился в университете в Свердловске и ездил туда в сопровождении лейтенанта. Николай Владимирович получал 5.000 рублей в месяц. Бывший мой однокурсник, пропущенный на «шарашку» по специальному разрешению, был поражен роскошным застольем с выпивкой и закуской. А освобожденный, Тимофеев оказался почти без средств. С последнего курса Ленинградского университета его в свое время выгнали за дворянское происхождение, у Фохта в Германии требовалась работа, а не диплом. Елена Александровна в

шестьдесят с лишним лет спешно защитила кандидатскую диссертацию, и содержание семьи легло на ее плечи. Ходатайства о присвоении Николаю Владимировичу докторской степени успеха не имели: Лысенко пользовался покровительством Хрущева. В конце концов решили, что Тимофееву нужно написать диссертацию. Он ее блестяще защитил, после чего она года два лежала в ВАКе без движения – вплоть до «малой октябрьской революции». После падения Хрущева положение Лысенко пошатнулось, и Николаю Владимировичу сразу утвердили докторскую степень. Это мне рассказала Елена Александровна.

* * *

Николай Владимирович читал лекцию в Ленинградском университете, кажется, на заседании кибернетического общества. Тему я уже не помню. Было что-то очень глобальное о Дарвине, роль которого он сравнивал с Ньютоном. Выступивший в прениях Александр Александрович Любищев, помнится, оспаривал роль, приписанную Дарвину, и подчеркивал заслуги Георга Менделя. Тимофеев отклонил экскурсы Любищева в то, что он назвал философией, но, помню, сказал:

– Меня нельзя заподозрить в недостаточном уважении к Менделю. Еще в те времена, когда обвинение в менделизме было вполне членовредительным, я рекомендовался: живой менделист, будем знакомы.

И ткнул себя пальцем в грудь.

Философию он, в противоположность Любищеву, не любил и, ставя очень широко научные проблемы, не связывал их, насколько помню, с мировоззренческими.

Отвечая еще кому-то, Николай Владимирович сказал:

– Вы основываетесь на понятии о прогрессе. Но никто не умеет определить, что это такое и был ли он вообще.

Несколько лет спустя, в Обнинске, он снова вернулся к этой теме:

– Способность человека воспринимать окружающее, по-видимому, не изменилась. Изобрести в свое время лук было так же трудно, как сейчас космический корабль.

И.А. Полетаев заметил:

– Пожалуй, даже труднее. Ведь тогда новым был не только предмет, но и сам факт изобретения.

После лекции я подошел к нему. Он сразу меня вспомнил. Рассказал о своем семинаре на Урале, сказал, что там участву-

ют и физики, назвал С.В. Вонсовского. Я напомнил о модели вируса и спросил о Бернале. Он рассмеялся:

– Бернал теперь борется за мир, ему не до науки.

В Обнинске я был у него только раз в конце 1964 года. Он тогда заведовал сектором в Институте медицинской радиологии. Некоторое время мы там пробыли, а потом он сказал своей жене:

– Лёлька, пошли жрать!

– и мы отправились к нему на квартиру. Николай Владимирович надписал и подарил мне оттиск одной своей работы. Говорил про жизнь в казахстанском лагере, про описанный в «Архипелаге ГУЛАГ» семинар умиравших от истощения. Рассказал, что жизнь ему спасли уголовники, доведившие под руки на работу.

– А то упадешь – конвоир застрелит. И ведь стрелять-то чумек не умсет, всего переранит, пока убьет.

Поставил немецкую пластинку – запись хора казаков Сергея Жарова. Рассказывал историю его и хора. Там было, помнится, 30 артистов. Каждый получал определенный высокий и твердый оклад, а остальные деньги из огромной выручки за концерты клались в банк, и из них выдавалась стипендия русским эмигрантам, кто не мог платить за обучение. Почти все русские ученые за границей – бывшие стипендиаты хора Жарова.

Говорил о старинной русской церковной музыке:

– Куда до нее Ивану Севастьяновичу Баху!

О текущей жизни, помню, сказал:

– Чтобы нормализовать жизнь нашего общества, нужно строжайше запретить перевыполнение каких бы то ни было планов и отменить новый год. В Германии мы за несколько лет накопили денег и купили нейтронный генератор, а здесь год кончился – и все нестраченное отбирают.

* * *

В 71-й камере все мы были уравниены в бесправии. Каждый сперва лежал под нарами, потом, перейдя на нары, постепенно передвигался от двери и парашки к окну. Чины и звания остались позади, на воле, и только личность имела значение для оценки человека. Четверым новичкам в знак особого уважения уступили без очереди место на нарах. Одним из них был Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский.